

— Ты разбираешься в медицине? — Цзян Цяо удивлённо раскрыл глаза.

Старый Предок кивнул.

— Был врачом в двух жизнях... — Он сделал паузу, встретившись взглядом с Цзян Цяо, и с некоторым сожалением признал:

— Был известным врачом в двух жизнях. С твоей мелкой проблемой я справлюсь.

— Ух ты, — Цзян Цяо довольно улыбнулся. — Моя жена такая умница.

— О ком это ты? — Тан Сю нахмурился. — Эти шашлыки ты не будешь есть? Я тогда один их съем.

Цзян Цяо тут же схватил его за руку.

— Нет, нет, у меня вдруг аппетит появился.

Старый Предок с сожалением взглянул на него.

К счастью, Тан Сю, покупая шашлыки, захватил с собой суп с клецками. Цзян Цяо с удовольствием потягивал суп, наблюдая, как Тан Сю ест мясо, и чувствовал себя вполне счастливым. Когда он допил свою порцию, Тан Сю неспешно начал рассказывать о событиях дня.

— Опухоль? Какая опухоль? — Цзян Цяо был в шоке. — Насколько это серьёзно?

— Не волнуйся. Судя по их разговору, это не злокачественная опухоль. Я слышал, как Шэнь Сымо упомянул, что она на сто процентов доброкачественная, и после удаления полностью излечима. Его мать тоже выглядит бодрой, так что, скорее всего, ничего страшного.

— А, — Цзян Цяо вздохнул с облегчением, некоторое время молча смотрел на оловянную миску перед собой, а затем пробормотал:

— Этот дурак, если ему не хватает денег, почему он не попросил у меня? Зачем подписывать контракт с этой дрянной компанией? Разве маленькая компания сможет собрать деньги на операцию?

Тан Сю уже догадывался, что Цзян Цяо даст деньги, и не был удивлён. Он лишь спокойно спросил:

— Ты подумал, какую причину придумать, чтобы передать ему эти деньги?

Цзян Цяо фыркнул.

— Боишься, что я задену его самолюбие?

— Угу.

— Меня это не волнует. В конце концов, его учитель — это сплошная логика грабителя, он уже привык. — Цзян Цяо продолжил ворчать:

— Если бы он всё ещё был богатым наследником, тогда его самолюбие было бы ценно. Но сейчас он не такой, и его самолюбие, каким бы сильным оно ни было, разве оно важнее

матери? Жизнь трудна, не всегда можно сохранить и жизнь, и лицо. Рано или поздно он поймёт это.

Слова Цзян Цяо были разумными, и он действительно оказался хорошим учителем, который не балует своих учеников. Однако Тан Сю чувствовал, что всё не так просто. Он уловил в Шэнь Сымо следы великой души, и теперь, казалось, этот человек не имел злых намерений, а был скорее воплощением великого добра. Но если он просто несёт бремя, чтобы собрать деньги на лечение матери, то это нельзя назвать великим добром. Таких сыновей, проявляющих сыновнюю почтительность, Тан Сю встречал во многих жизнях, особенно в годы войн.

Однако, если судить по логике, как только Цзян Цяо покроет недостаток средств на операцию и Шэнь Сымо преодолет этот трудный период, это дело должно завершиться. Но что же тогда представляет собой эта великая душа?

Старый Предок чувствовал, что ежедневные размышления доводят его до головной боли. Возможно, это из-за того, что съёмки днём слишком утомляют, и в последние дни он особенно странно себя чувствует, иногда даже избегая видеть, как Стяг сбора душ проявляет признаки активности. На самом деле в те дни, когда Стяг сбора душ не реагирует, он чувствует себя счастливее — спокойно и полноценно, болтая и смеясь с тем парнем напротив...

Тан Сю резко встряхнул головой, прекращая эти опасные мысли.

Старый Предок, проживший тысячи лет, не может позволить себе падение.

...

Глубокой ночью, когда Тан Сю спал, он вдруг услышал звук «шух—», и прохладный ветер пронёсся по его лицу. Он резко открыл глаза и сел, но увидел, что окно закрыто, занавески спокойны, а Стяг сбора душ висел над его головой. Чёрно-белые цвета поблекли, став кроваво-красными, и на месте восьмидесят первой несобранной души мерцал туманный след.

— Стяг сбора душ? — Тан Сю на мгновение замер, тихо позвав.

Стяг сбора душ не реагировал на зов хозяина, продолжая сильно дрожать. Светящийся след словно дрожал, и казалось, что это не просто плоский символ, а что-то объёмное, пытающееся вырваться наружу.

Сердце Тан Сю вдруг забилось чаще. Он быстро встал, включил свет и компьютер, подключил телефон к видеосвязи и направил камеру компьютера в сторону Стяга сбора душ.

Сделав это, он вышел из комнаты. Тёмный коридор был тихим, сейчас была глубокая ночь, два часа. Дверь комнаты Цзян Цяо была приоткрыта, внутри тоже было темно.

— Режиссёр? — Тан Сю попытался толкнуть дверь, она открылась, но никто не ответил. Он включил свет и сделал несколько шагов внутрь — в комнате никого не было, компьютер Цзян Цяо был в режиме скринсейвера, а аккуратно застёленная кровать указывала на то, что Цзян Цяо даже не успел лечь спать.

На экране телефона Стяг сбора душ продолжал сильно колебаться, не проявляя признаков остановки. Тан Сю почувствовал предчувствие и сразу же направился в комнату Шэнь Сымо.

Спустившись на два этажа вниз, он увидел, что в конце коридора в комнате Шэнь Сымо горит свет. Тан Сю поспешно подошёл, но остановился у двери. Цзян Цяо разговаривал с Шэнь Сымо,

и он не мог вмешаться, поэтому ему пришлось терпеливо ждать снаружи.

На экране Стяг сбора душ продолжал развеваться, и колебания становились всё сильнее. Тан Сю смотрел на экран, и через пару минут увидел, как Стяг сбора душ с громким шумом вырвался из креплений, быстро покружился в воздухе и с грохотом упал на кровать.

Через несколько секунд Стяг сбора душ наконец успокоился, чёрно-белые цвета вернулись на свои места, и всё стало спокойно.

Почти одновременно дверь открылась, и вышел Цзян Цяо. Увидев Тан Сю, он удивился и сразу же закрыл дверь, потянув его к лестнице, тихо спросив:

— Ты зачем пришёл?

Тан Сю, не отвечая, спросил:

— А ты зачем пришёл?

— Поговорить с этим парнем. Он не возвращался весь вечер, я попросил сторожа следить за ним, и как только он вернулся, я пришёл к нему.

Тан Сю снова спросил:

— За полминуты до того, как ты вышел из его комнаты, что ты делал? Что он делал?

— Полминуты? — Цзян Цяо замер. — Слишком поздно, я был в его комнате всего пять-шесть минут, сначала проводил воспитательную беседу, а перед тем как уйти, дал ему деньги.

— Он взял? — Тан Сю настаивал.

— Взял, — Цзян Цяо улыбнулся. — Давление учителя всё же велико, не взять он не мог.

Тан Сю замолчал. В этот момент он почти точно мог утверждать, что несобранная душа не имеет отношения к его и Цзян Цяо любви. Эта душа должна была появиться между Цзян Цяо и Шэнь Сымо, но если это просто забота учителя об ученике, то это слишком обыденно...

Цзян Цяо не заметил, что он задумался, и с облегчением вздохнул, чувствуя, что на душе стало легче.

— Помочь этому ученику довольно приятно. Он был в отъезде два года, и я давно не чувствовал себя так нужным.

— Нужным?

Цзян Цяо кивнул, затем покачал головой.

— Нет, не совсем. Просто я чувствую, что несчастье в его семье — это уже большое горе, а он, несмотря на свою сыновнюю почтительность, не может помочь. Я рад, что смог ему помочь.

— Рад? — Тан Сю замер.

— Что случилось? — Цзян Цяо остановился и посмотрел на него. — Кажется, ты что-то подозреваешь.

Тан Сю покачал головой.

— Ничего, я просто ищу ту несобранную душу.

Цзян Цяо улыбнулся.

— Тогда удачи в поисках, моё счастье на оставшуюся жизнь зависит от неё.

Тан Сю посмотрел на него с укором.

— Глубокая ночь, иди спать.

Цзян Цяо потянул его за руку, с улыбкой глядя на него.

— Что ещё? — Тан Сю нахмурился. — Так радуешься, что дал кому-то денег?

— Нет, — Цзян Цяо посмотрел на тёмный коридор, понизив голос. — Поцелуй перед сном.

— ...

Увидев, что Старый Предок не отступает, Цзян Цяо обнял его за талию и легонько поцеловал в губы. Всего один раз, лёгкое прикосновение, и Тан Сю почувствовал, как его сердце забилося чаще.

Ему вдруг захотелось, чтобы Цзян Цяо углубил этот поцелуй. Поцелуй, который лишь слегка касается поверхности, разве это можно назвать поцелуем?

Однако Старый Предок подумал, что нужно сохранять лицо и не позволить Цзян Цяо развратить себя. Он слегка кашлянул.

— Иди спать.

— Спокойной ночи, — Цзян Цяо улыбнулся мягко.

Остаток ночи Стяг сбора душ оставался спокойным, и этот лёгкий поцелуй не вызвал никаких колебаний.

Несобранная душа не имела отношения к их чувствам, и Тан Сю чувствовал некоторое разочарование.

...

В начале октября съёмки «Плахи для лис» завершились. В день завершения Цзян Цяо был окружён основными актёрами, которые по очереди подносили ему алкоголь. Кроме Тан Сю, у которого не было вредных привычек, остальные решили, что Цзян Цяо не станет хмуриться на праздничном столе, и выплеснули всю накопившуюся за два месяца обиду в алкоголе.

Цзян Цяо, выпив несколько кружек, уже с трудом фокусировал взгляд. Увидев, как два заместителя режиссёра с другого стола подходят с бокалами, он с отчаянием обратился к Тан Сю:

— Спаси меня.

Тан Сю сделал невинное и удивлённое выражение лица.

— Как я могу тебя спасти?

<http://bllate.org/book/16171/1450004>